

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.27>

Иванова Мария Евгеньевна

Язык идеологии и идеология языка: аспекты взаимодействия

На основе изучения существующих подходов к пониманию сущности идеологии и языка подвергается критическому анализу точка зрения авторов, противопоставляющих язык и идеологию как относительно независимые друг от друга социальные феномены, что и позволяет им быть, по мнению таких исследователей, равноправными контрагентами в процессе взаимодействия. Критически рассмотрен тезис о нейтральности языка по отношению к идеологии и предпринята попытка выявления таких уровней языковых структур, идеологическая ангажированность которых достаточно очевидна.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/27.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 133-140. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 13

Дата поступления рукописи: 27.10.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.27>

На основе изучения существующих подходов к пониманию сущности идеологии и языка подвергается критическому анализу точка зрения авторов, противопоставляющих язык и идеологию как относительно независимые друг от друга социальные феномены, что и позволяет им быть, по мнению таких исследователей, равноправными контрагентами в процессе взаимодействия. Критически рассмотрен тезис о нейтральности языка по отношению к идеологии и предпринята попытка выявления таких уровней языковых структур, идеологическая ангажированность которых достаточно очевидна.

Ключевые слова и фразы: язык; идеология; политическая идеология; языковая политика; идеология языка; структура; структурализм.

Иванова Мария Евгеньевна

*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва
meivanova2013@yandex.ru*

Язык идеологии и идеология языка: аспекты взаимодействия

Актуальность проблемы. В современном социально-гуманитарном знании обнаруживается повышенный интерес к анализу взаимосвязи языка и идеологии, в первую очередь, политической идеологии. В качестве важнейших факторов повышения такого интереса исследователи называют, к примеру, происходящие изменения в социальной структуре общества, активное внедрение и интенсивное развитие информационных технологий. В качестве особого фактора отмечается необходимость выявления причин идеологической адаптации существующих лексических единиц к изменяющейся социокультурной среде [9, с. 112]. Наиболее общим фактором исследовательского интереса к феномену взаимосвязи языка и идеологии выступает специфика восприятия бытия человеческим сознанием: такое восприятие осуществляется через призму «идеологического мира», в который погружен познающий человек.

Вместе с тем большинство авторов сопоставляют (и противопоставляют друг другу) язык и идеологию как целостные автономные социальные феномены, относительно независимые друг от друга, что и позволяет им быть, по мнению таких исследователей, равноправными контрагентами в социальных отношениях, где они взаимодействуют. Однако дело обстоит не совсем так: нередко язык может существовать вне идеологии (повседневный язык улицы, язык семейного быта и др.), но существование идеологии вне языка невозможно. Поэтому рассматривать их в качестве «равноправных партнеров» в процессе взаимодействия не совсем верно.

В предлагаемой статье речь пойдет, прежде всего, об идеологии политической, что требует включения политики в соотношение «язык – идеология – политика», при котором рассмотрение идеологии языка фактически подразумевает выявление политического влияния на язык через идеологию.

Цель исследования: на основе критического анализа тезиса о нейтральности языка по отношению к идеологии выявить такие структурные компоненты языка, в которых наглядно проявляется их идеологическая ангажированность.

Научная новизна исследования состоит в обосновании аргументов, на основе которых можно если не опровергнуть, то, по крайней мере, подвергнуть сомнению широко распространённый тезис об идеологической нейтральности языка.

Результаты исследования. В современном гуманитарном знании существует большое количество трактовок идеологии, по-разному характеризующих ее специфические свойства и социальную роль. Так, Н. Г. Дядык, связывая идеологию с идеологической средой, выявляет ее знаковую природу: «Идеологическая среда, обхватывающая человека плотным кольцом со всех сторон, крайне неоднородна по своей структуре: в нее входят научные утверждения, политические лозунги, религиозные символы и верования, художественные образы, философские концепции. Совокупности данных знаков, ориентированных на практические интересы и имеющих цель манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание, социология называет идеологией» [Там же]. В свою очередь, Н. Канашевич специально подчеркивает, что идеология может быть представлена как совокупность «семантических форм и интерпретационных кодов» [13, с. 121]. Такое понимание приводит к выводу: именно знаковая природа идеологии позволяет всесторонне рассматривать ее связь с языком, ибо язык и выступает той системой знаков, посредством которой оказывается возможным выражение идеологии, закрепление и трансляция идеологического содержания.

В. Ж. Келле в свое время указывал на важные характеристики идеологии, подчеркивал, что она есть «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу» [15, с. 39]. В определении, данном В. Ж. Келле, речь идет не просто о ценностно-нейтральном осознании действительности в идеологических парадигмах, а подчеркивается аксиологический – оценочный – аспект идеологии. Такое понимание позволяет в качестве следующей предпосылки теоретического анализа взаимовлияния идеологии и языка рассмотреть взаимосвязь предметного осознания действительности в понятиях и терминах языка и оценочно-волевого аспекта в его прагматике. С этой точки зрения язык оказывается наиболее тесно связанным с идеологией именно в своём прагматическом аспекте.

А. Н. Булыко выделяет два смысла идеологии: «1) система взглядов, представлений, идей какого-либо общества, класса, политической партии, а также 2) совокупность связанных между собой идей, выступающих

как основа конкретных действий» [3, с. 220]. При таком понимании специфика формы выражения идеологического содержания отходит на задний план, а вычлняются в первую очередь содержательные аспекты идеологии. Тем не менее проблема идеологической формы остается.

Исследователями акцентируется внимание и на той важной закономерности, что возникновение и бытие идеологии детерминировано потребностью в выражении и защите интересов конкретных социальных общностей [28, с. 187, 195]. Из этой закономерности с неизбежностью вытекают и две важнейшие функции идеологии: 1) определение целей и задач больших социальных групп или целых обществ; 2) стимулирование организованных действий для осуществления таких целей, а также мобилизация масс на реализацию этих действий [15, с. 23]. Идеология как система конкретных знаний претендует на абсолютную истину, и это центральная претензия идеологии. Французский структуралист Р. Барт обращал специальное внимание на этот факт. Г. К. Косиков, характеризуя концепцию французского мыслителя об идеологичности мифа, особо выделяет принципиальную идею Р. Барта: «...всякая идеология хочет, чтобы ее воспринимали не как одну из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимое (ибо единственно верное) его изображение» [17, с. 18].

Из такого понимания вытекает два основных направления в исследовании взаимосвязи идеологии и языка: во-первых, необходим анализ специфики вербализации взглядов, представлений и идей; во-вторых, целесообразно рассмотреть процесс определения целей и мобилизации масс на конкретные действия посредством языка идеологии.

Однако остается вопрос об актуальности подобного исследования. Постановка такого вопроса обусловлена тем, что вторая половина XX века была связана с широким распространением тезиса о «конце идеологии». Этот тезис развивали и стремились теоретически обосновать политологи, философы, историки, психологи, социологи самых разных направлений: Р. Арон, Д. Белл, Э. Шилз, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз и др. Логика подобного рода обоснований не представляется слишком сложной: поскольку идеология как актуальный социальный феномен постепенно исчезает, постольку и теоретический анализ взаимосвязи идеологии и языка имеет в лучшем случае историческое значение, но отнюдь не является актуальным.

Историко-идеологический парадокс заключается в том, что заявление об окончании бытия идеологии имело два важнейших последствия для «возрождения» идеологии. В качестве первого последствия выступает тот факт, что те из теоретиков, которые приложили много усилий для обоснования и всесторонней характеристики того феномена, который был обозначен как «конец идеологии», фактически стали основоположниками нового типа идеологии – идеологии модернизации. Второе последствие выразилось в том, что провокационное заявление о конце идеологии в действительности вызвало лавинообразное повышение исследовательского интереса к самому феномену идеологии, к выявлению и обоснованию новых форм ее существования, к анализу трансформации ее функций и роли в обществе эпохи постмодерна – в современном информационном обществе [25, с. 144-153]. Таким образом, распространенный ныне термин «постидеологическая идеология» [21, с. 53] не следует трактовать в качестве обозначения идеологического ренессанса после якобы имевшего место быть «конца идеологии». В этом термине всего лишь находит отражение тот факт, что нынешнему этапу бытия идеологии предшествовал исторический этап, связанный не столько с самой идеологией, сколько со спецификой ее теоретического осмысления. Эта специфика характеризуется, в первую очередь, методологической позицией исследователей, отрицавших само существование идеологии.

В современном информационном обществе различным образом взаимодействует (и противоборствует друг с другом) целый ряд политических идеологий. Их сложная и противоречивая взаимосвязь образует духовно-идеологическую среду, в которой формируется, развивается и существует каждый человек. Фактически речь идет об идеологическом пространстве социального бытия: вне и помимо этого пространства человек практически не может существовать. Воспринимается это пространство человеком благодаря знаковой форме представления духовно-идеологической среды. Выдающийся российский мыслитель М. М. Бахтин в свое время подчеркивал: «Область идеологии совпадает с областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак – там и идеология. Всему идеологическому принадлежит знаковое значение» [5, с. 14].

Наиболее универсальной знаковой формой существования идеологии является язык, который субстантивирует любую идеологию, объективирует ее. Такая объективация, по утверждению М. М. Бахтина, реализуется через «идеологемы» [1, с. 353] – взаимосвязанную систему вербально-идеологических конструкций, благодаря которым и оказывается возможным выразить содержание идеологии: политические лозунги и слоганы, религиозные символы, философские категории, афоризмы и др.

Идеология, таким образом, всегда существует в вербальной форме, посредством языка и только языка она стремится донести собственный смысл и социальное значение до человека. Вне знаков и помимо знаков языка смыслы идеологических конструкций выражены быть не могут. Именно на этот факт обращал специальное внимание французский философ П. Рикёр, которому принадлежит заслуга дальнейшего развития философской герменевтики: «Символический универсум – это среда самообъяснения; на деле проблемы смысла не существовало бы, если бы знаки не были средством, условием, медиумом, благодаря которым существующий человек стремится локализовать себя, спроецировать себя вовне, понять себя» [24, с. 369]. Важнейшая проблема герменевтики – это и есть проблема интерпретации смысла знаковых систем; недаром важнейшая работа П. Рикёра носит название «Конфликт интерпретаций» [24]. Из тезиса французского философа становится очевидной и конечная задача взаимодействия языка и идеологии: обеспечить идеологию такой системой знаков, которая бы: а) содействовала наиболее быстрому усвоению идеологических смыслов; б) позволяла добиваться единообразной интерпретации знаковых конструкций языка применительно к конкретной идеологии.

Язык – сложный, многогранный, полиструктурный и многофункциональный социальный феномен, который может «поворачиваться» к исследователю разными сторонами и по-разному выявлять свою сущность.

Такое разнообразие – одна из важнейших причин существования большого числа дефиниций языка. В частности, под языком понимается «исторически возникший и развивающийся сложный знаковый механизм, работающий в единстве и взаимодействии с сознанием и мышлением человека» [6, с. 10], «сложная развивающаяся семиотическая система, являющаяся специфическим и универсальным средством объективации содержания как индивидуального сознания, так и культурной традиции, обеспечивая возможность его интерсубъективности, процессуального разворачивания в пространственно-временных формах и рефлексивного осмысления» [22, с. 1286]. Как видим, по мнению разных исследователей, знаковость – одна из существенных и важнейших характеристик языка.

Функции языка весьма разнообразны, и, очевидно, их число и содержание изменяются и развиваются вместе с развитием человечества и самого языка. Поэтому разные исследователи по-разному характеризуют функциональные аспекты языка. Так, Ф. П. Сергеев раскрывает содержание трех, с его точки зрения, важнейших функций языка: 1) коммуникативной – благодаря реализации этой функции язык выступает в качестве важнейшего средства исключительно человеческого общения; 2) познавательной – эта функция формирует основу человеческого мышления, поскольку язык выступает в качестве инструмента закрепления достигнутых рубежей познания; и 3) мыслевыражающей – только благодаря реализации этой функции языка оказывается возможным выражение человеческих мыслей [26].

В свою очередь, известный белорусский философ М. А. Можейко выделяет пять функций языка, в числе которых: 1) экспрессивная; 2) сигнификативная; 3) когнитивная; 4) информационно-трансляционная; 5) коммуникативная [22, с. 1286]. Подобные примеры могут быть умножены, однако ясно, что большинство авторов в разных терминах стремятся выразить сходные подходы к пониманию роли языка в двух важнейших для человека процессах: процессах познания и процессах социальной коммуникации. Очевидно, что эти общие функции языка в применении к идеологии проявляются специфическим образом.

Для целей настоящей статьи важно учитывать прежде всего когнитивную и информационно-трансляционную функции языка в их приложении к политике и к политической идеологии. Подобный анализ осуществляется целым рядом авторов [8; 12; 14; 21; 29]. Так, в связи с анализом теоретических построений С. Жижека относительно роли и функций языка О. В. Мащитко подчеркивает: «Язык – неотъемлемый элемент системного насилия “постидеологической” идеологии» [21, с. 53], – указывая тем самым важнейшую функцию языка политической идеологии. Подчеркнем, что О. В. Мащитко относит языковую функцию инструмента «системного насилия» к «постидеологической идеологии», т.е. к идеологии постмодернистского информационного общества. Однако, по мнению автора настоящей статьи, такая функция формируется вместе с формированием самой идеологии, которая всегда стремилась посредством системного идеологического насилия подчинить себе возможно большие массы людей, и осуществлялось такое насилие посредством выбора наиболее эффективных языковых средств.

В большом количестве публикаций об идеолого-языковой взаимосвязи утверждается тезис о нейтральности языка по отношению к идеологии. Нередко в качестве аргумента приводится тезис М. М. Бахтина, опубликованный еще в 1929 г.: «Слово... нейтрально к специфической, идеологической функции. Оно может нести любую идеологическую функцию...» [5, с. 19]. Этот тезис М. М. Бахтина был активно подхвачен советскими исследователями и повторялся почти дословно: «Язык как социальное явление нейтрален по отношению к идеологии» [8, с. 23]. Однако и целый ряд современных исследователей языка разделяют и поддерживают ту же мысль: «Язык нейтрален по отношению к идеологии: он может выражать (обслуживать) как прогрессивную, так и реакционную идеологию. Идеология же по отношению к языку не может быть нейтральной: партии, социальные группы используют его в своих интересах» [26]. Почти о том же пишет российская исследовательница Р. И. Зекрист: «Если язык по своей исконной сущности нейтрален по отношению к идеологии, то идеология вовсе не нейтральна по отношению к языку» [12, с. 66-67].

Следует еще раз обратиться к уже процитированному тезису М. М. Бахтина. Нетрудно видеть, что этот тезис относится не к языку как целостному социальному феномену, а к слову как родовому понятию, т.е. к слову вне его конкретного содержания. Слово действительно может нести любую идеологическую функцию, однако не любые слова в своем системном взаимодействии адекватны конкретной идеологии, а, стало быть, разные идеологии нуждаются в разных словах, и, по сути дела, в разных языках как разных совокупностях слов. Более того, М. М. Бахтин характеризует идеологическое значение слова как социальное значение, проникшее внутрь человека: идеологический знак непосредственно реализует свою функцию знака только в том случае, если непременно затрагивает внутренний мир человека – носителя языка, его индивидуальную картину мира [5, с. 23]. Без такого проникновения во внутренний мир носителя языка знаковость остаётся внешней формой, содержание которой не обретает качества внутреннего достояния личности, и упомянутая ранее идеологическая функция системного насилия не сможет быть реализована. Фактически развивая именно эти идеи, исследовательский коллектив под руководством А. Верховского подробно анализирует «язык вражды против общества». Необходимость такого исследования возникла в связи с анализом актуальных проблем этнической и религиозной интолерантности в средствах массовой информации [29, с. 80]. По мнению авторов исследования, непосредственной формой выражения такой интолерантности и выступает «язык вражды».

Методологически важным для рассмотрения проблем настоящей статьи является осуществленный Ф. де Соссюром системный подход к социальному феномену языка, который «представляет собой целостность сам по себе» [Цит. по: 22, с. 1287]. Любое изменение в системе языка, даже если такое изменение касается лишь одного компонента языка, может быть уподоблено взаимосвязи фигур в шахматной партии: это изменение неизбежно приводит к изменению «значимостей всех фигур» и «может коренным образом изменить течение всей партии» [Цит. по: Там же]. Как подчеркивает Ф. де Соссюр, знаки языка оказываются безразличными

по отношению к содержанию тех мыслей, которые выражаются посредством этих знаков. Такая «безразличность» выступает в качестве результата конвенции, которая закреплена в языковой традиции: «Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме традиции, и, наоборот, он может быть произвольным лишь потому, что опирается на традицию» [Цит. по: Там же].

Таким образом, именно дискретность смысла языковых единиц (знаков языка), возможность их произвольной (такая произвольность, тем не менее, относительна – не будем забывать о системности языка!) комбинаторики позволяет формулировать и транслировать разного рода тексты с разным содержанием, в том числе тексты различной идеологической направленности (политические программы, призывы, слоганы, лозунги и др.). Именно в таком смысле язык, выступая в качестве системы дискретных и по-разному комбинируемых знаков, обладает свойством универсальности в процессе выражения идеологических представлений о мире, отражаемом посредством этого языка.

Однако из этого тезиса не вытекает, что любая система знаков языка нейтральна к его содержанию. Наоборот, конкретное идеологическое содержание нуждается в особой системе знаков, отражающей фундаментальные понятия, категории, дефиниции, принципы конкретной идеологии. В результате человек не может быть беспристрастным интерпретатором тех знаков, посредством которых выражен идеологический смысл. Более того, он вынужден выбирать такие знаки, значения которых (по его убеждению) истинны и значимы для него, а потому неизбежно впускает систему этих знаков в свой собственный жизненный мир, накладывая запрет на восприятие других систем знаков.

О сложности понимания роли языка в системе идеологического воздействия на массы писал известный французский психолог С. Московичи: «Что во многих отношениях удивительно и малопонятно, это всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а от их “*магии*”, от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются» [23, с. 189]. По сути дела, С. Московичи ставит вопрос о том, каковы возможности идеологического воздействия на сознание при помощи языка?

Во многих случаях социальные властвующие силы оказываются в состоянии подчинять граждан своему влиянию, не используя явное физическое насилие. Такая возможность реализуется в первую очередь благодаря тому, что идеология стремится целенаправленно эксплуатировать язык в качестве средства достижения идеологических целей: «Лингвистическое принуждение является наиболее эффективным из всех форм принуждения, поскольку оно подавляет не только действия, но и самый помысел о каком-либо действии» [10, с. 145].

Таким образом, язык и политика взаимно влияют друг на друга, и такое взаимовлияние оказывается разносторонним и многообразным, имеет конкретно-историческую обусловленность. Рассмотрим лишь несколько аспекты такого взаимовлияния.

По отношению к политической идеологии язык выступает в качестве инструмента или средства, и такое качество языка проявляется в триединстве как: а) инструмент выражения, утверждения и трансляции содержания конкретной идеологии, б) инструмент целенаправленного воздействия идеологии на умы индивидов и общественное сознание социальных групп и социума в целом, в) эффективное средство противостояния иным (противодействующим данной) идеологиям.

С другой стороны, непосредственное идеологическое воздействие на язык (прежде всего, воздействие политико-идеологическое) реализуется посредством исторически конкретной языковой политики. Для анализа подобного влияния методологически важным оказывается выделение в динамике языка двух взаимосвязанных процессов: 1) развитие и трансформация языковых структур и 2) развитие функций языка в социуме. Благодаря этим процессам становится возможным сознательное идеологическое (идеолого-политическое) вмешательство в функционирование и динамику языка [12, с. 67].

Хотя исторический опыт и демонстрирует существенную устойчивость языковых структур по отношению к социальным и идеологическим факторам бытия слова и языка, однако в развитых культурах, формирующихся в процессе генезиса классовых обществ, языковые структуры вынуждены специализироваться на обслуживании специфических подсистем культуры, конкретных идеологий и специализированных социальных институтов. В таких культурах общей тенденцией становится разделение языка на «низкий» (простонародный) и «высокий» – национальный литературный язык. Более резкие различия проявляются тогда, когда конкретный класс общества для повседневного общения начинает использовать чужеземный язык. Типичный пример – широкое использование в быту французского языка российским дворянством в XVIII – первой половине XIX в.; при этом многие российские дворяне плохо говорили по-русски.

Еще более регулируемым становится процесс формирования языка науки (точнее, языка разных систем науки: так, язык социально-гуманитарного знания сохраняет достаточную близость с «естественным» языком, язык естественнонаучного познания оказывается в максимальной степени удаленным от обыденного языка в силу массивного использования интернациональных слов и терминов). Таким образом возникают функциональные языки, предназначенные для реализации конкретных (а не универсальных) социальных функций. Специфической разновидностью функционального языка выступает язык политики, или язык политической идеологии, также выполняющий специфическую социальную функцию: «Употребление языка политики в политических целях превращает язык в один из факторов политики» [Там же]. Здесь речь идет о такой специфической (неуниверсальной) функции языка, как функция быть средством политического воздействия.

Рассмотренные процессы не позволяют вести речь о нейтральности языка в отношении к идеологии, по крайней мере, применительно к его разновидностям – функциональным языкам.

Очевидно, разные структуры языка по-разному откликаются на политико-идеологические воздействия. Для анализа такого воздействия целесообразно структурно представить языковое бытие идеологии и на этом основании выявить, какие компоненты языка наиболее подвержены идеологическому влиянию. В сложном

социальном феномене языка могут быть выделены многие элементы, подсистемы, уровни, а также другие структурные компоненты в зависимости от избранных критериев структурирования. С точки зрения взаимосвязи представленности знака, его смысла и значения исследователями выделяются следующие структурные уровни:

- фонетико-фонологический;
- морфологический;
- синтаксический;
- лексико-семантический [Там же, с. 68].

Отмечается также, что фонетико-фонологический уровень наиболее устойчив с точки зрения стабильности его внутренних взаимосвязей, поэтому идеологическое влияние на него оказывается наименьшим. По справедливому замечанию Т. Б. Крючковой, влияние идеологии на морфологический уровень проявляется «не в самих фонетических или грамматических формах, а исключительно в нормах их употребления» [18, с. 72]. Влияние идеологии на синтаксический уровень языка оказывается весьма существенным и зависит от конкретных идеологических концепций-доктрин, которые по-разному применяют разного рода синтаксические конструкции.

Методологически плодотворной является попытка Р. И. Зекрист представить архитектуру языка идеологии (идеологического языка) посредством двух моделей: «...во-первых, в виде ядра, вокруг которого расположен ряд концентрических кругов; во-вторых, в виде ряда иерархически соотнесённых уровней» [12, с. 67]. По мнению автора настоящей статьи, указанные Р. И. Зекрист модели могут быть обозначены как «центрированная» и «иерархическая».

Иерархическая модель выстраивается в виде лингвистической пирамиды, на вершине которой располагается язык профессиональных политиков высокого уровня, ниже располагаются еще несколько языковых уровней, а ее основанием служит язык политической пропаганды и агитации. В этом агитационном языке особая роль отводится слоганам: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – призывал «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», – заверяла КПСС на своем XXII съезде.

Для целей настоящей статьи особый интерес представляет центрированная модель, в качестве ядра которой Р. И. Зекрист предлагает рассматривать характерную для идеологического языка терминологию и фразеологию, благодаря которым формируется специфическое политическое содержание такого языка и его основная политико-идеологическая нагрузка. Рассматриваемое содержание напрямую связано с эффективностью реализации основных функций идеологии, которые могут быть сведены к мотивации/демотивации, убеждению/разубеждению, мобилизации/демобилизации, сплочению/разъединению, организации/дезорганизации, разрешению/запрету и др.

Вокруг ядра располагается несколько языковых кругов:

а) ближний к ядру лингвистический круг включает в себя принадлежащую к «высокому языку» идеологически нагруженную лексику и фразеологию, которая обслуживает не только политическую идеологию, но и социальные сферы, расположенные вне политики; основа такой лексики вырабатывается в системе научного теоретического знания и заимствуется главным образом из языка политической науки;

б) периферийный лингвистический круг содержит лексику и фразеологию, опирающуюся на языковую практику разных слоев населения; это не просто «низкая лексика», но зачастую намеренно снижаемая субъектами агитационной и пропагандистской деятельности в целях повышения эффективности идеологического воздействия на массы.

В зависимости от специфического идеологического контекста могут изменяться смысл, конкретно-историческое содержание и социальная оценка базовых терминов, включенных в ядро центрированной модели. Это касается в первую очередь таких слов, посредством которых выражается фундаментальный мировоззренческий и методологический смысл конкретных идеологий: прогресс/регресс, революция/эволюция, либерализм/консерватизм, демократия/тоталитаризм и др. Так, для советского человека сугубо негативный смысл имели такие понятия, как «капитализм», «предприниматель», «акция», «биржа», «коммерция». Ныне слова подобного рода оцениваются либо положительно, либо, как минимум, нейтрально.

Рассмотренные положения позволяют прийти к выводу: для каждой конкретной идеологии характерна собственная центрированная модель языка. При этом носители разных идеологий по-разному интерпретируют одни и те же слова, а значения таких слов в первую очередь зависят от социальных характеристик и идеологических пристрастий индивида либо определенной социальной группы, которые выступают в качестве субъектов интерпретации конкретных идеологических контекстов.

Очевидно, что рассмотренная выше центрированная структура идеологического функционального языка, предлагаемая Р. И. Зекрист, характеризует своего рода «статический срез» языковой реальности. Для выявления существующих направлений взаимосвязи идеологии и языка целесообразно рассмотреть структуру, характеризующую бытие языка идеологии в его динамике.

Такая структура в первом приближении представлена на Схеме 1. Анализируя связи элементов представленной структуры, нетрудно увидеть, что знаки и многие слова языка действительно нейтральны по отношению к идеологии, однако уже на уровне смысла, а особенно на уровне ценности слов и фразеологии, язык оказывается чувствительным к конкретному содержанию конкретной идеологии. В разных идеологиях используются разные системы смыслов и ценностей языка, избираемые субъектами идеологии (идеологами) для воздействия на объекты идеологии, в качестве которых, как правило, выступают широкие массы граждан.

Однако и эта, отмеченная нами «нейтральность» является относительной. В самом деле, в разных сообществах в разные времена язык выступает и в качестве объекта идеологической борьбы, и в роли средства выражения конкретной идеологии, и как средство идеологической борьбы. Политико-идеологическое влияние на язык проявляется по-разному.

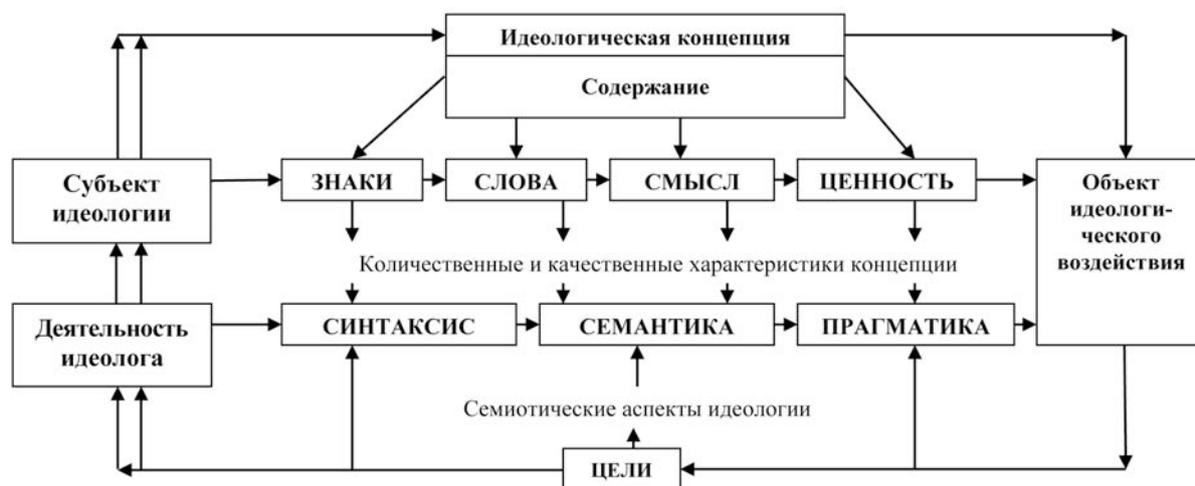

Схема 1. Языковое бытие идеологии

Для анализа такого влияния методологически значимым выступает лингвистический принцип, сформулированный Ф. де Соссюром: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна... языковой знак произволен» [27, с. 100]. Таким образом, «означающее *немотивированно*, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [Там же, с. 101]. Ф. де Соссюр обращает внимание читателя на факт отсутствия жесткой связи между означающим и означаемым, на их разведение друг относительно друга; однако означаемое и означающее еще сосуществуют. Постструктурализм доводит эту ситуацию до абсурда, абсолютизируя означающее и позволяя ему существовать абсолютно самостоятельно, что превращает языковую деятельность в «игру значений», как пишет об этом один из апологетов постструктурализма французский философ Ж. Деррида: «Отсутствие трансцендентального означаемого раздвигает поле и возможности игры значений до бесконечности» [7, с. 448].

Хотя объективно знаки языка идеологически нейтральны, но в силу того, что «языковой знак произволен», в определенных условиях сами знаки языка могут выступать объектом и средством идеологической борьбы. Более того, конкретные системы знаков языка могут подвергаться политико-идеологическому гонению и прямому запрету. К примеру, после изобретения глаголицы Кириллу и Мефодию пришлось вести борьбу с немецко-католическим духовенством, которое не только запрещало проведение богослужений на славянском языке, но и активно препятствовало развитию славянской культуры и письменности в целом.

Через много веков злоключения славянской письменности продолжились: после распада СССР некоторые бывшие советские республики, прежде использовавшие кириллицу (прямую наследницу глаголицы), перешли на латиницу, и перешли по идеологическим соображениям – они хотели иметь дополнительное свидетельство отказа от коммунистического прошлого, разрывая столь существенную связь со своей историей в составе СССР. В числе этих республик – Азербайджан, Молдавия, Туркмения, Узбекистан. Казахстан собирается перейти на латиницу к 2025 г. [11].

Многие специалисты-языковеды, анализируя происходящую трансформацию письменности, утверждают, что такое решение в собственно лингвистическом смысле не имеет принципиальных оправданий. Так, А. Кибрик специально подчеркивает: «Преимущества латинской графики по сравнению с кириллицей априори нет. Это вопрос абсолютно политический, никакого научного подтекста здесь нет» [Там же].

Очевидно, что наиболее значительное политико-идеологическое воздействие на язык проявляется на уровне семантики. Такого рода воздействие может оказываться на общие тенденции развития этого уровня языка, в числе которых «заимствования, степень интенсивности появления новых лексико-семантических единиц, вариация частоты употребления каких-то конкретных лексем, изменение их лексической сочетаемости и т.д.» [12, с. 69].

Содержание конкретной идеологии выражается посредством таких лексико-семантических единиц, которые в контексте этой идеологии приобретают специфические свойства идеологизированной терминологии. При этом на основе целенаправленного политико-идеологического воздействия может осуществляться достаточно жесткий отбор такого рода единиц, включая прямой запрет на употребление некоторых терминов. Так, в 1797 г. Павел I запретил употреблять где бы то ни было такие слова, как *революция*, *отечество* (следовало говорить: *государство*), *общество* (допустимо: *собрание*), *гражданин* (рекомендовано: *житель*, *купец*, *мещанин*), *граждане* (вместо него – *жители*, *обыватели*), *караул* (необходимо: *стражи*) и т.д. [2, с. 33; 4, с. 174]. Реакционная идеология усматривала в этих словах революционное звучание. В «Дневнике» цензора А. В. Никитенко от 31 мая 1858 г. упоминается, что специальным распоряжением Александра II было запрещено употреблять слово *прогресс* не только в официальных документах, но и в печати [19, с. 424].

В современных исследованиях взаимосвязи языка и идеологии специальному анализу подвергаются логическая структура идеологического языка, методология его рассуждений и обоснований. При этом справедливо подчеркивается, что идеологическая речь, как правило, не использует диалектическую логику. Между тем диалектика является актуальным и адекватным методом анализа современного общества. Многие реальные достижения современной науки, в том числе – политической науки, базируются на использовании диалектического метода познания как одного из ведущих познавательных методов.

В противовес этому политическая идеология предпочитает метод двузначной логики: «Стремление видеть вещи в свете лишь двух оценок – “положительно и отрицательно”, “хорошо и плохо”, “жарко и холодно”, “любовь и ненависть” – можно назвать двухоценочной ориентацией» [Цит. по: 12, с. 69]. Поскольку язык политической идеологии направлен на получение массового, а главное – быстрого – эффекта мотивации и мобилизации масс, постольку он стремится к максимально быстрому внедрению смысла ведущих идеологических тезисов. Использование двузначной логики при формировании идеологических текстов облегчает решение подобной задачи. Однако при такой логике идеологический язык предельно упрощает картину объективной реальности, искажая и огрубляя ее, не позволяет видеть промежуточных вариантов, полутонов и др. Понятно, что сам идеологический язык при таком употреблении становится ущербным, поскольку становится неадекватным многообразной и многомерной социальной действительности, которую он призван выражать.

Язык «постидеологической идеологии» подвижен и динамичен, он живо и непосредственно реагирует на социальные изменения и трансформации, в том числе такие трансформации, которые стимулированы процессами глобализации. В числе многих тенденций, порожденных этим процессом, С. Г. Кара-Мурза обращает внимание на проникновение из науки в идеологию так называемых слов – «амёб»: «Они настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово *прогресс*). <...> Важный признак этих слов-амёб – их кажущаяся “научность”. Скажешь *коммуникация* вместо старого слова *общение* или *эмбарго* вместо *блокада* – и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия нашего мышления» [14, с. 90]. Подобного рода слова-амёбы: «менеджмент», «дилер», «электорат», «саммит», – активно вытесняют устоявшиеся и привычные русскоязычные эквиваленты, а также формируют «эффект добавленной валидности», состоящий «в завышенных ожиданиях от чужого слова. В приписывании термину, пришедшему из иностранных языков, особой значимости, что в свою очередь сопряжено с некорректным употреблением такого термина» [20, с. 43-44].

Таким образом, взаимосвязь идеологии и языка является неразрывной, динамичной, подвижной. В процессе развития общества эта взаимосвязь обнаруживает новые аспекты и функциональные проявления.

Выводы

1. Многие исследователи пишут о нейтральности языка по отношению к идеологии. Проведенное исследование показывает, что этот тезис, как минимум, должен быть подвергнут сомнению.

2. О подобной нейтральности можно говорить на уровне языка как целостного социального феномена, предельно абстрагируясь от его содержания и языковой структуры. При таком подходе язык действительно нейтрален, поскольку для выражения любой идеологии не существует иных средств, кроме языка. О нейтральности можно говорить на уровне минимальных знаков языка – символов письменности, поскольку никаких иных знаков, кроме принятой в данной культуре системы букв, идеология использовать не может.

3. Язык и идеология активно, взаимно и разносторонне влияют друг на друга. Специфические языковые средства позволяют добиться идеологического насилия и манипулировать широкими массами. В свою очередь, идеология активно влияет на язык средствами целенаправленной языковой политики, содержание которой детерминировано спектром внешних и внутренних факторов.

4. Выявление языковых структур позволяет увидеть реальные аспекты идеологической ангажированности таких структур. В наибольшей мере идеологическое влияние на язык выявляется и проявляется на уровне семантических структур. ***Один и тот же термин приобретает разные значения и аксиологическую окраску в зависимости от идеологии, которую он выражает и актуализирует. При этом разные идеологии коррелируют с различными языковыми кодами.***

Список источников

1. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
2. Бельчиков Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. М.: Учпедгиз, 1959. 74 с.
3. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. М.: Мартин, 2006. 704 с.
4. Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1972. 319 с.
5. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 189 с.
6. Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века. М.: Три квадрата, 2003. 1025 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000. 495 с.
8. Дешериев Ю. Д. Язык как орудие идеологии и как объект идеологической борьбы // Современная идеологическая борьба и проблемы языка / ред. Ю. Д. Дешериев. М.: Наука, 1984. С. 10-25.
9. Дядык Н. Г. Язык и идеология: афоризм как идеологема // Социум и власть. 2011. № 1. С. 112-116.
10. Ерофеев В. В. «Воспитание» посредством идеологической речи: обзор // Образ человека XX века: реф. сб. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 131-166.
11. Зачем страны СНГ переводят письменность на латиницу [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/articles/36598971/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.10.2019).
12. Зекрист Р. И. Идеологически нагруженный язык как орудие власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35. Философия. Социология. Культурология. Вып. 28. С. 66-72.
13. Канашевич Н. Постигание идеологии как поиск парадигмы: от эпохи модерна к постмодерну // Thesaurus: збірник наукових прац / пад агульнай рэд. С. В. Венідіктава. Магілёў, 2018. С. 87-122.
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
15. Келле В. Ж. Идеология // Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 10.

16. Келле В. Ж. Познавательные и идеологические функции социологии // Социология и идеология / ред.-сост. Л. А. Воловик. М.: Наука, 1969. С. 20-28.
17. Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 3-46.
18. Крючкова Т. Б. К вопросу о взаимоотношении языка и идеологии // Современная идеологическая борьба и проблемы языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М.: Наука, 1984. С. 61-93.
19. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. 427 с.
20. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43-54.
21. Мащитко О. В. Насилие языка как элемент идеологии в концепции С. Жижека // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2016. № 7. С. 52-58.
22. Можейко М. А. Язык // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. – Мн.: АСТ; Харвест, 2001. С. 1286-1290.
23. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
24. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 411 с.
25. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартынова, Л. Г. Фишмана. М.: Полит. энциклопедия, 2016. 334 с.
26. Сергеев Ф. П. Из истории взаимоотношений идеологии и языка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14099042> (дата обращения: 24.07.2018).
27. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31-279.
28. Уледов А. К. Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. М.: Мысль, 1968. 330 с.
29. Язык вражды против общества: сб. статей / сост. А. Верховский. М.: Сова, 2008. 259 с.

Language of Ideology and Ideology of Language: Aspects of Interaction

Ivanova Mariya Evgen'evna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
meivanova2013@yandex.ru

Relying on the analysis of the existing approaches to understanding the essence of ideology and language, the author criticizes the viewpoint, according to which language and ideology are considered as relatively independent social phenomena and equal participants in the process of interaction. The researcher critically analyses the conception of language neutrality towards ideology and tries to identify language structures, ideological bias of which is obvious.

Key words and phrases: language; ideology; political ideology; language policy; ideology of language; structure; structuralism.

УДК 17

Дата поступления рукописи: 27.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.28>

В фокусе данного исследования стоят феномен и сущность творческого потенциала человека, его влияние на развитие культурной политики организации с учетом современной действительности. В статье раскрываются процессы формирования внутрикорпоративных отношений, особенности командной работы, имеющие нативную взаимозависимость и обуславливающие успех организации, также нюансы развития культурной политики и стратегические направления развития организации в этом аспекте. Статья написана на стыке этико-философского и культурологического знания, такой взгляд будет интересен специалистам в области этики, философии, менеджмента.

Ключевые слова и фразы: творческий потенциал; этика; культурная политика; корпоративная культура; мандообразование; социально-экономическое развитие.

Игнатюк Юлия Леонидовна, к. филос. н.

Чумляков Кирилл Станиславович, к.т.н.

Тюменский индустриальный университет

k8sc@yandex.ru

Влияние творческого потенциала персонала на развитие культурной политики организации

В процессе переосмысления и преобразования современной организации требуется серьезный и глубокий этико-философский анализ стратегических решений по вопросам культурной политики. Вместе с тем сегодня менеджмент компаний больше акцентирует свое внимание на конструктивной деятельности и оценке потенциала культурной политики организации, ее ценностях, необходимых для успешного развития и в меньшей степени обращает внимание на влияние на нее творческого потенциала сотрудников. **Актуальность** обозначенной проблемы подтверждает необходимость разработки внутрикорпоративных положений, направленных как на выработку актуальных стратегических решений, так и на оценку творческого потенциала персонала.